

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
GENERAL PSYCHOLOGY

Проблема перевода английских психологических терминов на русский язык

Балыгина Е.А.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
balygina@nextmail.ru*

Ермолова Т.В.,

*кандидат психологических наук, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
ermolovatv@mgppu.ru*

Психологическая терминологическая система русского языка активно развивается, постоянно обогащаясь новыми лексическими единицами, в том числе и благодаря заимствованию из других языков. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема точного перевода терминов, репрезентирующих новые научные понятия. Однако переводческий аспект взаимодействия английской и русской психологических терминологических систем не получил должного освещения в научной литературе. Данная статья посвящена изучению применяемых в современной психологической литературе способов перевода лексических единиц с терминологическим значением. Задача работы заключается в том, чтобы на примерах из психологических текстов выявить трудности, связанные с переводом англоязычных терминов на русский язык, и предложить эффективные стратегии их преодоления.

Ключевые слова: перевод, термин, терминосистема, транслитерация, транскрибирование, лингвистический контекст, экстралингвистический контекст.

Для цитаты:

Балыгина Е.А., Ермолова Т.В. Проблема перевода английских психологических терминов на русский язык [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 1. С. 85—93. doi:10.17759/jmfp.2018070110

For citation:

Balygina E.A., Ermolova T.V. The issue of translating English psychological terms into [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 85—93. doi: 10.17759/jmfp.2018070110 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Введение

Благодаря открытию границ и интенсивному научному взаимодействию отечественная психологическая наука в течение постсоветского периода своего развития активно осваивает новые для себя системы научного знания, накопленного за рубежом. Основным источником изменений, вносимых в психологическую систему терминов, выступает англоязычная научная литература.

Активное пополнение терминологической системы русского языка неизбежно и постоянно приводит к появлению новых трудностей, связанных с переводом терминологических единиц.

Так, на предпереводческом этапе часто возникает проблема соотношения англоязычного термина с уже существующей в национальной психологии системой научных понятий. При этом российская психологиче-

ская наука, имеющая свою собственную и достаточно устойчивую терминосистему, не всегда оказывается готовой к описанию и присвоению новых понятий, заимствуемых из зарубежных источников (это особенно актуально для научных публикаций, опирающихся на часто обновляемые данные в зарубежных периодических изданиях) [15; 16].

А.Г. Анисимова видит причину этих затруднений в гуманитарном характере психологической науки, подразумевающим включение в процесс перевода заимствуемых терминов дополнительные процедуры: смысловой анализ исходного научного текста, в котором они представлены; учет лингвистического и экстралингвистического контекстов употребления терминов в нем; вероятность нескольких интерпретаций терминов в языке-доноре и языке-реципиенте [16].

Без этих процедур при заимствовании психологических терминов, как основных носителей научной информации, может возникнуть — и часто возникает — проблема с достижением цели перевода у специалиста в данной научной области, которая состоит в том, чтобы добиться полного и адекватного источнику понимания смысла научного текста [12].

Д.И. Лебедев так описывает эту часто возникающую ситуацию: «К сожалению, далеко не все переводы специальных текстов можно с уверенностью назвать адекватными, в силу недостаточного внимания переводчика к переводу каждого отдельного термина в тексте, что приводит к недостаточной точности перевода, а зачастую к искажению смысла текста и возникновению непонимания у специалистов» [12].

Нам представляются актуальными следующие направления в решении этой проблемы.

1. Усилить внимание к лингвистическим и функциональным особенностям заимствуемых терминов через введение определенной системы требований к их переводу.
2. Сформулировать условия успешного применения основных способов перевода терминов.
3. Выявить трудности, возникающие в процессе перевода терминов.
4. Предложить стратегии, позволяющие эффективно решать проблемы, связанные с переводом терминов.

Лингвистические и функциональные особенности термина

Начнем с определения лингвистических и функциональных особенностей терминологического знака.

Термин — лексическая единица, обозначающая понятие, относящееся к определенной специальной области знаний или деятельности [3].

В отличие от общей лексики, отражающей опыт восприятия и взаимодействия с обозначаемым предметом в повседневной жизни, термины возникают в результате попыток теоретического осмысления и выявления существенных признаков предмета в рамках определенной научной парадигмы. В силу этого любой термин имеет дефиницию (толкование, объяснение). Состав признаков, входящих в содержание термина, строго определен, ограничен и должен иметь одинаковое значение для всех людей, оперирующих этим термином, независимо от их индивидуального опыта и убеждений.

Термины в языке возникают в результате стремления языка к максимально сжатой и точной передаче информации, исключающей возможность произвольного и субъективного ее толкования.

Значения терминов сложнее, чем значения общепотребительных слов, поскольку любой термин является элементом терминологической системы как единства лексических единиц, отражающих результат осмысления знаний в определенной области научной деятельности человека.

Одна из основных характеристик термина — наличие его глубокой взаимосвязи с другими терминами [13].

В научном переводе ключевую роль играет навык понимания связи конкретного термина с другими элементами терминологической системы. Сужение или искажение значения термина в переводе негативно сказывается на его системной роли в конкретной области знаний и в терминологическом описании.

В связи с этим основное требование к переводу термина заключается в точной трансляции его содержания, с учетом особенностей взаимодействия терминологических систем исходного и «принимающего» языков.

Условия успешного применения основных способов перевода терминов

При передаче терминов англоязычного научного текста на русский язык переводчик нередко сталкивается с трудностями, связанными с характером современного лексического заимствования, которое отличается недостаточное внимание к когнитивно-понятийным связям нового слова с ранее заимствованными терминологическими единицами. Неупорядоченность процесса заимствования зачастую приводит к тому, что в научном дискурсе параллельно используется несколько вариантов наименования одного научного понятия.

Согласно мнению М.Е. Куприяновой, явление множественного соответствия, предполагающее возможность нескольких вариантов перевода одной и той же терминологической единицы, «неприемлемо для достижения единообразного понимания академических терминов» [11].

Для того чтобы не множить синонимичные термины, переводчик должен прежде всего выяснить, есть ли в языке-реципиенте устоявшийся (принятый научным сообществом) эквивалент данного терминологического выражения.

Может оказаться, что такой эквивалент существует, но еще не отражен в словарях, часто не успевающих фиксировать лексические единицы, недавно вошедшие в систему языка. В таком случае переводчику следует обратиться к изучению современной научной литературы, в которой может использоваться понятие, обозначаемое данным термином.

Обсудим проблему множественного соответствия на примере словосочетания *behavioural intervention*, имеющего в русском языке несколько вариантов перевода.

1. *Поведенческое вмешательство* [9].
2. *Поведенческая интервенция* [6]. Е.В. Змановская, описывая значение этого термина в книге «Девиантология. Психология отклоняющегося поведения», характеризует поведенческую интервенцию как «... достаточно авторитарную систему, предполагающую контроль специалиста за поведением другого человека» [6].

3. *Коррекция поведения.* Этот термин встречается в сокращенном переводе [20] статьи К.М. Фили и Э.А. Джоунз [23], в котором в роли переводного эквивалента словосочетания *intervention for challenging behaviour* выступает именная группа *коррекция отклоняющегося поведения*.

Преимуществом варианта перевода *коррекция поведения* является прозрачность его внутренней формы, раскрывающей сущность научного понятия. Однако этот вариант перевода (как эквивалент термина *behavioural intervention*) не получил широкого распространения в психологической литературе.

Вероятно, это связано с тем, что термин *коррекция поведения* в русском языке имеет достаточно широкое значение и обозначает любые действия, направленные на изменение поведения, в то время как английский термин *behavioural intervention* подчеркивает применение бихевиористского подхода в терапии.

Передать в переводе бихевиористскую направленность термина *behavioural intervention* позволяет словосочетание *поведенческое вмешательство*, оставляющее в переводе неизменным буквальное значение исходной лексической единицы (такой способ перевода называется *калькированием*). Благодаря сохранению внутренней формы оригинала это словосочетание позволяет выразить в переводе взгляд на данный вид терапии как систему мер, предполагающую активное участие (вмешательство) терапевта в изменении поведения клиента.

Еще один возможный вариант перевода — *поведенческая интервенция*, — частично сохраняющий звуковую форму оригинала, имеет непрозрачную внутреннюю форму, не ориентирующую нас на соответствующее научное понятие. Использование в качестве переводного эквивалента именной группы *поведенческая интервенция* может быть оправданным только в том случае, когда необходимо провести различие между понятиями, обозначаемыми словосочетаниями *поведенческая интервенция* и *поведенческое вмешательство*. Однако в ситуации, когда этих различий не существует, следует отдать предпочтение наименованию в большей степени раскрывающему содержание обозначаемого понятия, т. е. термину *поведенческое вмешательство*.

Таким образом, при выборе варианта перевода переводчик должен стремиться к созданию точных, максимально прозрачных терминов, исключающих возникновение множественных соответствий в языке перевода.

Несмотря на то, что способ перевода терминов, основанный на транскрибировании и транслитерации, обладает рядом недостатков, достаточно часто термины, заимствованные подобным образом, получают широкое распространение и закрепляются в языке.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих условия заимствования терминов посредством транскрибирования и транслитерации.

Так, термин *суггестия* был создан посредством транслитерации слова *лат. suggestio / англ. suggestion* с

последующей его адаптацией к морфологической системе русского языка. Этот термин обозначает то же понятие, что и слово *внушение*, однако имеет несколько другие коннотации.

Функционирование термина *суггестия* в научном контексте привело к некоторым изменениям в его значении. В настоящее время слово *суггестия* в отличие от общеупотребительного слова *внушение* воспринимается как элемент терминологической системы языка. Это показывает, что заимствование слова *суггестия* оправданно необходимостью создания терминологической единицы, отличающейся по своему значению от синонимичного общеупотребительного слова. Сохранение латинского корня в составе слова *суггестия* позволяет подчеркнуть его связь с научной сферой деятельности.

Еще одним примером успешного заимствования с помощью транскрибирования и транслитерации может служить слово *когниция* (*cognition*), также сохраняющее связь с латинским *cognoscere* (*узнавать, познавать*).

Какими же соображениями оправдано включение слова *когниция* в систему русского языка, учитывая, что в ней уже существует синонимичное слово *познание*?

Вероятно, дело в том, что *познание* предполагает сознательную деятельность, направленную на получение и обработку знаний, в то время как термин *когниция* обозначает как сознательные, так и неосознаваемые процессы получения, обработки, хранения и использования знаний [10]. *Когниция* помимо восприятия включает память и обучение. Использование термина *когниция* означает, что эти процессы будут обсуждаться с точки зрения когнитивистики (когнитивной науки), которая постулирует существование ментальных репрезентаций структур знания, рассматривает когнитивные процессы в отвлечении от эмоциональных факторов и т. д. [10]. Слово *познание* также в определенном контексте может восприниматься как элемент терминологической системы, однако его роль в этой системе не так четко определена, как у слова *когниция*.

Выбор того или иного варианта перевода слова *cognition* зависит от контекста источника. В тех случаях, когда сужение значения термина *cognition* не приводит к существенному изменению смысла оригинала, в качестве контекстуальных эквивалентов могут использоваться такие выражения, как *познавательная деятельность, когнитивные процессы*. Если сохранение всего объема значения термина *cognition* имеет принципиальное значение, в переводе следует отдать предпочтение термину *когниция*.

(1)

Although we think about affect as being different from cognition, they are united in intellectual functioning. [26]

Хотя мы рассматриваем эмоции как нечто отличающееся от когниции, в процессе мышления они выступают как единое целое.

(2)

We have little evidence about how the brain functions in cognition.

У нас недостаточно информации о работе мозга человека в ходе его **познавательной деятельности**. [27]

(3)

We should expect that human language will be interestingly related to **human cognition**. [24]

Вероятно, будет интересно проследить связь человеческого языка и **когниции**.

(4)

There are several ways in which cognitive neuroscientists explore **human cognition**. [22]

В нейробиологии существует несколько способов изучения **когнитивных процессов**.

Таким образом, недостатком транскрибирования и транслитерации как способа передачи терминов является «непрозрачность» внешней формы, не позволяющая переводчику составить представление об обозначаемом понятии на основе его наименования.

Кроме того, следует учитывать, что заимствование терминов с помощью транскрибирования и транслитерации перегружает язык большим количеством неологизмов, которые существуют параллельно с синонимичными словами, ничем не отличаясь от них по своей функции в системе языка.

К достоинствам транскрибирования и транслитерации как способа передачи терминов следует отнести создание слова с терминологическим значением, которое легко отличить от синонимичного общеупотребительного слова благодаря иноязычной «оболочке», свойственной терминам.

По мнению А.В. Лимова, критикуя тенденцию заимствовать термины с помощью транскрибирования и транслитерации, мы должны учитывать «... уже сложившееся состояние терминологии различных наук», а также «... то, что многие заимствованные термины, которым предъявляется обвинение в отсутствии мотивировки, на самом деле могут оказаться вполне мотивированными, ориентирующими на понятие, закрепленное за термином» [14]. Внутренняя форма термина, сохраняющего иноязычную оболочку, зачастую непонятна только людям, не владеющим специальной лексикой. А «... для ученого заимствованный термин оказывается, и очень часто, мотивирован индивидуальным знанием иностранных терминологических элементов» [14].

Проблема передачи в переводе терминологического значения общеупотребительного слова

Переводчик научного текста достаточно часто сталкивается с проблемой различения терминологического и общеупотребительного значений слова. Это происходит в тех случаях, когда между двумя этими значениями сохраняется тесная связь и терминологическое значение еще не вполне оформилось как отдельный уровень в структуре значения слова.

Рассмотрим на конкретном примере проблему перевода слов, терминологическое и общеупотребительное значения которых тесно связаны.

В англоязычной психологической литературе, когда идет речь о достоверности показаний свидетеля, используются два словосочетания с разным значением: *the reliability of a witness* и *the credibility of a witness*. Англо-русские словари предлагают один и тот же вариант перевода для обоих словосочетаний – *надежность свидетеля* [2]. Однако изучение психологического дискурса показывает, что их терминологические значения различаются [21; 24].

Прежде всего, обратимся к анализу общеупотребительных значений этих словосочетаний. В англо-русском словаре слово *reliability* определяется как *надежность, подтвержденная на практике способность выполнить свою функцию* [2]. Значение слова *credibility* также включает признак *надежность*, однако здесь на первый план выходит субъективное восприятие *надежности*, обусловленное не только способностью объекта выполнить свою функцию, но и общим впечатлением от этого объекта. Слово *credibility*, обозначая *надежность* в восприятии людей, совпадает в этом отношении со словом *доверие*. Например, *The police have lost their credibility*. — *Полиция потеряла доверие общества*.

В научном дискурсе общеупотребительное значение этих слов сужается и приобретает более четкие очертания. Так, словосочетание *reliability of a witness* описывает объективные характеристики свидетеля, основанные на каких-либо подтвержденных фактах (например, его возрасте, психическом здоровье, способности адекватно воспринимать происходящее в суде, различать ложь и правду), в то время как словосочетание *the credibility of a witness* используется в тех случаях, когда идет речь о субъективной оценке свидетеля другими участниками судебного процесса. Например, его/ее неопрятный внешний вид, неуверенная манера держаться, склонность менять показания могут привести к снижению уровня доверия к свидетелю (*the credibility of a witness*) [21; 24].

(5)

In addition, studies are available on how **the credibility of a witness** is affected by his physical appearance. [21]

Кроме того, есть научные работы, изучающие влияние внешности свидетеля на **уровень доверия к его показаниям**.

(6)

Cross examination plays upon the suggestibility of witnesses. A primary aim of cross-examination is to lure witnesses into inconsistency, thus undermining their **credibility** [24].

В ходе перекрестного допроса стороны, играя на внушаемости, заманивают свидетелей в ловушку **непоследовательных показаний, способных подорвать доверие к ним со стороны других участников процесса**.

(7)

The US Supreme Court accepted the proposition that there is a strong correlation between a witness' memory accuracy

and an opportunity for the witness to observe. In fact, the same court accepted this notion as a criterion for judging every witness' reliability [24].

Верховный суд США выразил согласие с утверждением о существовании тесной связи между точностью воспоминаний свидетеля и его возможностью наблюдать событие. Этот же суд одобрил использование такого критерия при оценке **надежности каждого свидетеля**.

(8)

Traditionally, the law in the UK, the United States and Australia has taken a very restrictive use of child witnesses, regarding them as inherently **unreliable**. These suspicions about the reliability of child witnesses are seen in the competency requirement still in existence in various jurisdictions worldwide [24].

Традиционно законодательство Великобритании, США и Австралии допускает ограниченное использование показаний свидетелей-детей, считая их **ненадежными**. Эти сомнения в **надежности свидетелей-детей** находят отражение в критериях компетентности, все еще применяющихся во множестве стран по всему миру.

В примерах 5—8 выявление смысла слов *reliability* и *credibility*, возникающего в результате взаимодействия их словарных значений с контекстом, позволило подобрать следующие контекстуальные эквиваленты: *reliability* — **надежность**, *credibility* — **доверие (уровень доверия)**.

Таким образом, для того чтобы перевести слова *reliability* и *credibility*, приобретающие терминологическое значение в психологических текстах, переводчику следует провести анализ их функционирования в научном дискурсе. Это позволит выявить несовпадение обозначаемых данными словосочетаниями понятий, которое должно быть отражено в переводе.

Рассмотрим еще один пример перевода словосочетания, в составе которого общеупотребительное слово приобретает терминологическое значение.

Термин *forensic treatment* (букв. **судебное лечение**) обозначает психотерапевтическую и/или психиатрическую помощь, которая оказывается людям, совершившим правонарушение (в частности, заключенным или лицам, освободившимся из заключения). Кроме того, психолого-психиатрическая помощь такого рода включает принудительное лечение лиц, признанных судом невменяемыми, и специальные психотерапевтические программы, участие в которых является одной из мер правового воздействия на правонарушителя (например, программы, предназначенные для реабилитации наркоманов) [21].

Анализ содержания терминологического словосочетания *forensic treatment* показывает, что значение слова *treatment* в его составе является более узким, чем значение этого слова в нетерминологическом употреблении. Вероятно, наиболее точно терминологическое значение слова можно выразить с помощью словосочетания **психолого-психиатрическая помощь**.

Таким образом, конкретизация значения общеупо-

требительного слова позволяет адекватно передать содержание терминологического словосочетания в переводе: *forensic treatment* — **судебная психолого-психиатрическая помощь**.

В психологической энциклопедии под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха, переведенной на русский язык, предлагается другой вариант перевода этого словосочетания — **судебное некарательное воздействие** [9]. Этот перевод представляется не очень удачным, так как для обозначения всей системы судебной психолого-психиатрической помощи, имеющей многообразные формы, используется узкий термин **судебное некарательное воздействие**, обозначающий только «**нравственное, правовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению**» (ст. 110 УИК РФ) [19].

Последний пример показывает, что стратегия перевода, основанная на поиске аналогов в терминологической системе языка перевода, должна использоваться с крайней осторожностью — в большинстве случаев внешнее сходство понятий, обозначаемых соответствующими терминами языка оригинала и языка перевода, только маскирует существенные различия в их содержании.

Недостатком предлагаемого здесь варианта перевода **судебная психолого-психиатрическая помощь** является его излишняя громоздкость, поэтому некоторые компоненты этого словосочетания могут опускаться в тех случаях, когда их смысл понятен из контекста.

(9)

Forensic treatment of offenders requires special knowledge about the criminal justice system, and the personality characteristics and/or behavior frequently observed in offenders [21].

Для оказания психолого-психиатрической помощи преступникам требуются специальные знания о системе уголовного правосудия и понимание особенностей личности и/или поведения, характерных для преступников.

(10)

In a civil damage situation, forensic treatment may consist of supportive psychotherapy. [21]

В системе гражданского правосудия может использоваться такая форма психологической помощи как поддерживающая психотерапия.

(11)

Forensic treatment in criminal cases sometimes includes therapy focused on personality problems, or on aggressive or sexual behavior, while the individual is incarcerated [21].

Судебная психолого-психиатрическая помощь лицам, находящимся в заключении, иногда включает терапию, направленную на решение личностных проблем или изменение агрессивного или сексуального поведения.

В примерах 9—11 подбор переводного эквивалента термина *forensic treatment* осуществлялся с учетом особенностей его функционирования в представленных фрагментах научного текста.

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, следует отметить, что при переводе психологического термина трудности могут возникать как на этапе анализа его содержания, так и при подборе переводного эквивалента.

Зачастую термины, не имеющие устойчивых переводческих соответствий, заменяются в переводе лексическими единицами, имеющими схожую внутреннюю форму, но обозначающими другие понятия. В подобных ситуациях для более полного представления о содержании англоязычного термина необходимо провести сопоставление обозначаемого им понятия с аналогичными понятиями, входящими в терминосистему принимающего языка.

Залогом успешного преодоления трудностей, возникающих на предпереводческом этапе, может стать стратегия, сочетающая анализ дефиниции термина и изучение контекстуальных условий его функционирования в англоязычном научном дискурсе.

Понимание особенностей взаимодействия общеупотребительной лексической единицы и лингвистического окружения позволяет выявить в структуре значения этой единицы компоненты, приобретающие в определенном контексте терминологический характер.

Даже при том, что эквивалент терминологической единицы зафиксирован в словаре, в переводе могут возникнуть сложности, обусловленные неполным

совпадением сочетаемости терминов в английском и русском языках.

На этапе подбора переводческого соответствия проблемы могут быть также связаны с тем, что контекстуальное значение термина, формирующееся в текущей языковой ситуации, зачастую отличается от значения, зафиксированного в словаре. В таком случае выбор стратегии перевода зависит от степени значимости данного термина в переводимом тексте. Если термин выражает понятие, играющее важную роль в данном тексте, необходимо стремиться к единообразию форм его обозначения, изменяя в случае необходимости грамматическое оформление контекстуального окружения; если же термин встречается однократно, допустима большая свобода при определении способа его перевода.

Таким образом, эффективная стратегия перевода предполагает формирование полного понимания понятийного содержания термина на предпереводческом этапе и тщательный анализ особенностей его функционирования в конкретном научном тексте на этапе выбора переводного эквивалента.

По мнению Д.И. Лебедева, качество перевода научной литературы зависит от умения сопоставлять две заведомо отличные друг от друга языковые системы «... с одновременным поиском наиболее адекватного варианта перевода, подходящего для текущей языковой ситуации или наиболее приемлемого в контексте данного специального текста» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 51 с.
2. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой. М.: Русский язык, 2001. 828 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 129—136. URL: http://vestnik.osu.ru/2002_6/27.pdf (дата обращения: 18.01.2018).
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 128 с.
6. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 288 с.
7. Коренькова Л.Н., Тарасова М.В., Уткина Л.Н. Сравнение лексических средств выражения концепта «сочувствие» в немецком, испанском, английском языках [Электронный ресурс] // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. Тверь. 2016. № 4. С. 110—118. URL: http://eprints.tversu.ru/6231/1/Вестник_ТвГУ.Серия_Филология.2016.4.С.110-117.pdf (дата обращения: 18.02.2018).
8. Королева Е.В. Трудности учебного перевода терминов и приемы их преодоления (на материале экономической и юридической терминологии): автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.
9. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1096 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М.: Филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
11. Куприянова М.Е. Становление и функционирование терминосистемы высшего образования в условиях глобализации: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2014. 259 с.
12. Лебедев Д.И. Проблемы адекватности перевода лингводидактических терминов на материале русского и английского языков: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2005. 109 с.
13. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
14. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2000. 192 с.

15. Лубовский В.И. Развитие науки и недостатки терминологии // Современные технологии диагностики, профилактики и коррекции нарушений развития. Т. 3 / Ред. О.Г. Приходько, М.Н. Русецкая. М.: Московский государственный педагогический университет, 2005. С. 43—50.
16. Лубовский В.И., Валявко С.М. Терминологические проблемы специальной психологии и специальной педагогики [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 50—55. URL: http://psyjournals.ru/files/29165/KIP_2010_1_Lubovsky.pdf (дата обращения: 18.02.2018).
17. Низовец Т.И. Языковая репрезентация британского и американского юридического образования в современных СМИ [Электронный ресурс] // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 11 (39). С. 91—105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovaya-reprezentatsiya-britanskogo-i-amerikanskogo-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-sovremennyh-smi> (дата обращения: 18.02.2018).
18. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2012. 246 с.
19. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ: Ред. от 20.12.2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка. М.: КонсультантПлюс, 1997—2018 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 18.02.2018).
20. Фили К.М., Джоунз Э.А. Преодоление отклоняющегося поведения у детей с синдромом Дауна: оценка и коррекция с использованием прикладного анализа поведения [Электронный ресурс] // Синдром Дауна. XXI век 2010. № (2) 5. С. 26—33. URL: <https://downsideup.org/ru/catalog/article/preodolenie-otklonyayushchegosya-povedeniya-u-detey-s-sindromom-dauna> (дата обращения: 18.02.2018).
21. Concise Encyclopedia of Psychology / Eds. R.J. Corsini, A.J. Auerbach. New York: J. Wiley & Sons, 1996. 952 p.
22. Eysenck M.W., Keane M. Cognitive Psychology: A Student's Handbook. Hove: Psychology Press, 2000. 396 p.
23. Feeley K.M., Jones E.A. Addressing challenging behaviour in children with Down syndrome: The use of applied behaviour analysis for assessment and intervention // Down Syndrome Research and Practice. 2006. Vol. 11. № 2. P. 64—77. URL: <https://assets.cdn.down-syndrome.org/pubs/a/perspectives-316.pdf> (дата обращения: 18.04.2018).
24. Kapardis A. Psychology and Law: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 608 p.
25. Linguistics: an Introduction to Language and Communication / A. Akmajian [et al.]. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2001. 577 p.
26. Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2001. 1760 p.
27. Wierzbicka A. Bilingualism and cognition: The perspectives from semantics // Language and Bilingual Cognition. Hove / Eds. V. Cook and B. Bassetti. UK: Routledge, 2010. P. 191—218.

The issue of translating English psychological terms into

Balygina E.A.,

*candidate of philological sciences, The Department of Foreign and Russian Philology,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
balygina@nextmail.ru*

Ermolova T.V.,

*candidate of psychological sciences, The Department of Foreign and Russian Philology,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
yermolova@mail.ru*

The psychological terminological system of the Russian language is rapidly developing, being constantly enriched with new lexical units due to borrowing from other languages. In these conditions, the issue of accurate translation of terms representing new scientific concepts acquires particular urgency. However, the translational aspect of the interaction between the English and Russian psychological terminology systems has not received adequate coverage in the scientific literature. This article is devoted to the study of the methods used in contemporary psychological literature to translate lexical units with terminological meaning. The purpose of the study is to identify, on the bases of examples from psychological texts, the problems associated with the translation of English terms into Russian, and propose effective strategies for overcoming them.

Keywords: translation, term, terminology, transliteration, transcription, linguistic context, extralinguistic context.

REFERENCES

1. Anisimova A.G. Metodologiya perevoda angloyazychnykh terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk. Avtoref. dis. dok. fil. nauk. [Methodology of translation of English-language terms in liberal arts and social science. Dr. Sci. (Philology) diss]. Moscow, 2010. 51 p. (In Russ.).
2. Apresyan Yu.D. Novyi bol'shoi anglo-russkii slovar' [New large English-Russian dictionary: in 3 vol.]. Yu.D. Apresyan, E.M. Mednikova (eds.). 6-e izd. Moscow: Russkii yazyk, 2001. 828 p. (In Russ.).
3. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda [Language and translation: issues of general and special theory of translation]. 2 e izd. Moscow: Publ. LKI, 2008. 240 p. (In Russ.).
4. Gorelikova S.N. Priroda termina i nekotorye osobennosti terminoobrazovaniya v angliiskom yazyke [The nature of the term and some features of English terminology] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik OGU [Vestnik OGU]*, 2002, no. 6, pp. 129—136. Available at: http://vestnik.osu.ru/2002_6/27.pdf (Accessed 18.04.2018). (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie [The Study of Terminology]. Moscow: Publ. Akademiya, 2008. 128 p.
6. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya: (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Ucheb. posobie [Deviantology: (Psychology of deviant behavior)]. Moscow: Publ. Akademiya, 2012. 288 p. (In Russ.).
7. Koren'kova L.N., Tarasova M.V., Utkina L.N. Sravnenie leksicheskikh sredstv vyrazheniya kontsepta «sochuvstvie» v nemetskom, ispanskom, angliiskom yazykakh [Comparison of the lexical means of expressing the concept “sympathy” in German, Spanish, English] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya [Bulletin of Tver State Universit. Series: Philology]*. Tver, 2016, no. 4, pp. 110—118. Available at: http://eprints.tversu.ru/6231/1/Vestnik_TVGU_Seriya_Filologiya_2016_4_C_110-117.pdf (Accessed 18.04.2018). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
8. Koroleva E.V. Trudnosti uchebnogo perevoda terminov i priemy ikh preodoleniya (na materiale ekonomicheskoi i yuridicheskoi terminologii). Avtoref. dis.kand. filol. nauk. [Difficulties in the academic translation of terms and methods for overcoming them (on the basis of economic and legal terminology)]. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.).
9. Korsini R., Auerbakh A. Psikhologicheskaya entsiklopediya [Psychological encyclopedia]. Korsini R., Auerbakh A. (eds.). Saint Petersburg: Piter, 2006. 1096 p. (In Russ.).
10. E.S. Kubryakova et al. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. E.S. Kubryakova (ed.). Moscow, 1997. 245 p. (In Russ.).
11. Kupriyanova M.E. Stanovlenie i funktsionirovanie terminosistemy vysshego obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii [Formation and functioning of the terminology system of higher education in the conditions of globalization. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2014. 259 p. (In Russ.).
12. Lebedev D.I. Problemy adekvatnosti perevoda lingvodidakticheskikh terminov na materiale russkogo i angliiskogo yazykov. Dis. kand. filol. nauk. [Problems of the adequacy of the translation of linguodidactic terms on basis of Russian and English materials. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2005. 109 p. (In Russ.).
13. Leichik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: the subject, methods, structure]. Izd. 3-e. Moscow: Publ. LKI, 2007. 256 p. (In Russ.).

14. Lemov A.V. Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoi lingvisticheskoi terminologii) [The system, structure and functioning of the scientific term (on the basis of Russian linguistic terminology)]. Saransk, 2000. 192 p. (In Russ.).
15. Lubovskii V.I. Razvitie nauki i nedostatki terminologii [The development of science and the shortcomings of terminology]. *Sovremennye tekhnologii diagnostiki, profilaktiki i korrektsii narushenii razvitiya* [Modern technologies of diagnostics, prevention and correction of developmental disorders. Vol. 3]. Moscow, 2005, pp. 43-50. (In Russ.).
16. Lubovskii V.I., Valyavko S.M. Terminologicheskie problemy spetsial'noi psikhologii i spetsial'noi pedagogiki [Terminological problems of special psychology and special pedagogy] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology]. Moscow, 2010, no. 1, pp. 50—55. Available at: http://psyjournals.ru/files/29165/KIP_2010_1_Lubovsky.pdf (Accessed 18.04.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Nizovets T.I. Yazykovaya reprezentatsiya britanskogo i amerikanskogo yuridicheskogo obrazovaniya v sovremennykh SMI [Linguistic representation of British and American legal education in modern media]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)] [Elektronnyi resurs]. Moscow, 2017, no. 11 (39), pp. 91—105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovaya-reprezentatsiya-britanskogo-i-amerikanskogo-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-sovremennykh-smi> (Accessed 18.04.2018). (In Russ.).
18. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii [General terminology. Questions of theory]. Moscow, 2012. 246 p. (In Russ.).
19. Uголовно-исполнительный кодекс Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 13.07.2015) [The Penal Enforcement Code of the Russian Federation of 08.01.1997. ed. 13.07.2015.No. 1-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 13.01.1997, no. 2. (In Russ.).
20. Feeley K.M., Jones E.A. Preodolenie otklonyayushchegosya povedeniya u detei s sindromom Dauna: otsenka i korrektsiya s ispol'zovaniem prikladnogo analiza povedeniya [Addressing challenging behaviour in children with Down syndrome: The use of applied behaviour analysis for assessment and intervention] [Elektronnyi resurs]. *Sindrom Dauna. XXI vek* [Down Syndrome. XXI Century]. Moscow, 2010, no. (2)5, pp. 26—33. Available at: <https://downsideup.org/ru/catalog/article/preodolenie-otklonyayushchegosya-povedeniya-u-detey-s-sindromom-dauna> (Accessed 18.02.2018).
21. Corsini R.J, Auerbach A.J. (eds.) Concise Encyclopedia of Psychology. New York: J. Wiley & Sons, 1996. 952 p.
22. Eysenck M.W., Keane M. Cognitive Psychology: A Student's Handbook. Hove: Psychology Press, 2000. 396 p.
23. Feeley K.M., Jones E.A. Addressing challenging behaviour in children with Down syndrome: The use of applied behaviour analysis for assessment and intervention [Elektronnyi resurs]. *Down Syndrome Research and Practice*, 2006, vol. 11, no. 2, pp. 64—77. Available at: <https://assets.cdn.down-syndrome.org/pubs/a/perspectives-316.pdf> (Accessed 18.04.2018).
24. Kapardis A. Psychology and Law: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 608 p.
25. Akmajian A. et al. Linguistics: an Introduction to Language and Communication. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2001. 577 p.
26. Summers D. Longman. Dictionary of Contemporary English: The Complete Guide to Written and Spoken English. Harlow: Longman, 2003. 1760 p.
27. Wierzbicka A. Bilingualism and cognition: The perspectives from semantics. In *Language and Bilingual Cognition*, ed. by Vivian Cook and Benedetta Bassetti. Hove, UK: Routledge, 2010. pp. 191—218. for overcoming them (on the basis of economic and legal terminology). Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.).